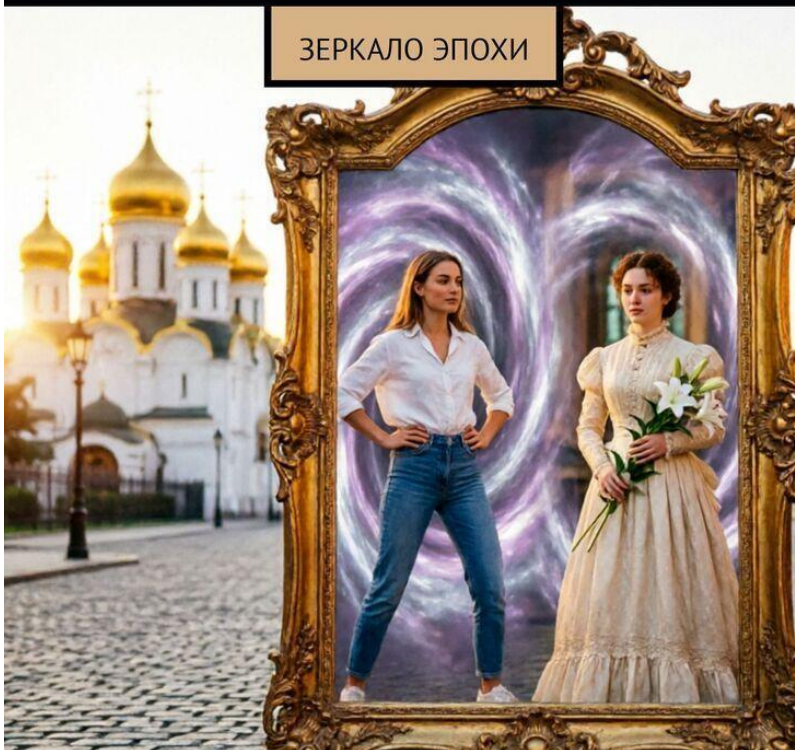

18+

АННА РОШАЛЬ

Давай их победим!

ЗЕРКАЛО ЭПОХИ

Анна Рошаль
Давай их победим!
Зеркало Эпохи

<https://litres.ru/74301327>

ISBN 9785007082303

Аннотация

1898 год. Москва. Шестнадцатилетняя Джейн-Евгения — невидимка в чужом времени. Она попала сюда через старинное зеркало Эпохи, чтобы найти семейный секрет. Но вместо секрета нашла девушку, которую нужно спасти. И любовь, которую нельзя оставить. Как вернуться домой в век XXI, если сердце осталось в прошлом — в веке XIX?

Содержание

ПРОЛОГ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Давай их победим!

Зеркало Эпохи

Анна Рошаль

© Анна Рошаль, 2026

ISBN 978-5-0070-8230-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Семья — это семь твоих Я, сжатых в один кулак, чтобы одерживать на жизненном пути победы».

ПРОЛОГ

...Я — Джейн-Евгения. Американка русского происхождения. В свои пятнадцать лет я думала, что проиграла жизнь. Но чтобы победить, иногда нужно отправиться в путешествие. Моё путешествие началось с зеркала в заброшенном особняке Москвы 1898 года...

В свои пятнадцать лет я жила с папой в Америке, в местечке Юнион Парк — это район в Миннеаполисе, штат Миннесота. Мои родители развелись, когда мне было десять. Я продолжала жить с папой, а мама осталась в Москве.

Как сейчас помню — это был день перед матчем по баскетболу. Накануне Кубка колледжа. Это серьёзное местное событие. Честь колледжа. Утром я сильно волновалась. Когда я нервничаю, то наливаю себе кофе, сажусь перед телевизором и включаю канал о животных. В тот день всё так и происходило.

Первое, что я слышала, был закадровый голос диктора:

— ...Семейство касаток. Это дружная семья! Один за всех и все за одного. У них есть свои опознавательные звуки. С помощью секретных кодов они передают друг другу

сигналы об опасности, бесценный опыт выживания, секреты охоты...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЯНКИ НЕ ПЛАЧУТ

Папа Джон считает, что победа над трудностями всегда связана с характером. Он часто повторяет: «Победа — это когда ты приложил максимум личных усилий. Тогда победа твоя, и ты — победитель». Чтобы воспитать мой характер в американском духе, папа записал меня в секцию баскетбола — с перспективой играть за сборную колледжа.

По телефону папа сказал маме:

— Марина, я повторял и повторяю: янки не плачут. Я воспитаю Джейн в духе бойца, не знающего поражений. Только победы! Только вперёд!

— *Per aspera ad astra*, — тихо ответила мама.

— На каком это языке?

— Это латинская пословица. Означает: «Через тернии — к звёздам».

— Вот-вот! Я и говорю — она будет звездой! Как говорят в ваших зимних краях: Бог ростом не обидел. Вся в меня.

Пауза. Мама молчит. Потом тихо:

— А я о звёздах вечности...

— Ну, значит, договорились! По рукам?

— По рукам.

Мои родители, конечно, исходили из лучших побуждений — выковать мой русско-американский характер. Поэтому папа определил меня в младшую группу колледжа.

После сегодняшней бессонной ночи папа решил лично отвезти меня в колледж. По дороге он хотел меня ободрить и начал петь, как это он обычно делал, когда сильно нервничал:

— The winner takes it all! Победитель забирает всё!

— Па...

— The winner takes it all! Победителю достаётся всё!

— Па! Завтра! Ты помнишь?

— А как же... AND the winner takes it all! И всё-таки победитель забирает всё!

— Пап, я серьёзно, это Кубок колледжа. Ты не можешь не прийти.

— Я приду. Я же дал слово!

Папа часто поёт эту песню группы АВБА. Благодаря этой песне мои родители познакомились. Папина любимая поговорка, когда мне грустно: «Детка, янки не плачут!»

Так я стала частью баскетбольной команды колледжа. Тре-

нер отметила мой высокий рост и природную прыгучесть. Но звезда колледжа и прима команды — блондинка Катарина-Виктория. Она из соседнего класса, но в нашей команде. И она считает себя главной. Поэтому и говорит: «моя команда».

Помню, ещё полгода назад, в то самое утро, когда я впервые появилась в спортзале, мы столкнулись с Катариной. Тренировки проводились три раза в неделю. Но Катарина считала, что нам нужно тренироваться каждый день. Она была убеждена, что количество и есть качество.

После уроков я пошла в спортзал — немного размяться с мячом самостоятельно. Вечерняя командная тренировка будет позднее. Навстречу мне вальяжно подкатила Катарина:

— Эй, ты! Как насчёт завтра?

— Что завтра?

— Если продумаешь хоть один мяч, ты узнаешь, на что способны янки.

— Янки? А кто здесь янки?

— Да она, кажется, совсем обнаглела!

— Ты слышала, что она сказала? — произнесла «поджужило» Катарина, Элис.

Тогда Элис и Катарина совсем близко подошли ко мне и

буквально прошипели мне в лицо:

— На что способны янки? Истинные янки способны только на победу, подкидыш!

Нашу начавшуюся потасовку пресёк своим появлением тьютор по биологии, который втайне благоволит звезде колледжа Катарине.

Я пыталась прийти в себя. Я не могу вовремя ответить и защитить себя даже словом. Я не люблю, когда мне говорят «эй». Я не «эй»! У меня есть имя. Двойное имя: Джейн и Евгения. А значит — двойная сила.

Я не ответила. Не потому что не знала, что сказать. А потому что горло сжалось, и я боялась: если открою рот, голос дрогнет. И они увидят. Увидят, что я боюсь. Что я одна. Что у меня нет никого, кроме папы, который даже не придёт завтра. Я не ответила, потому что внутри меня что-то молчало. Что-то большое, сильное, но ещё не проснувшееся. Я ещё не знала, что это.

Вечером того же дня раздался международный звонок. Это мама.

— Ма, у меня завтра матч.

- Я знаю, милая, поэтому звоню пожелать тебе удачи!
- Янки не проигрывают!
- Да, милая! Можно папу?
- Привет, Джон. Надеюсь, завтра...
- Да и надеяться не надо, само собой...
- Я не это хотела сказать...

Признаться честно, мне иногда неловко, когда мама и папа говорят по телефону. Я будто становлюсь свидетелем чего-то непонятного. Как эти двое людей могли влюбиться друг в друга? Они же говорят на разных языках — в буквальном смысле этого слова! Они совершенно разные. Моя русская мама всегда идёт навстречу, а мой американский папа — всегда стоит на своём, даже если уже понял, что неправ. Но признать свою неправоту для него сродни проигрышу. А он к этому не привык...

- Окей, Джон, доживём до завтра и там поговорим по результату.
- Результат известен.
- Хорошо, до завтра.

Вы, наверное, хотите меня спросить: чувствую ли я себя «как между двух огней»? Я не совсем понимаю это красочное русское выражение, что оно означает в действительности. Но иногда мне кажется, что моё сердце делится попо-

лам. И в такие моменты я не знаю, кто я.

Утро нового дня. Я в колледже. Вокруг поддержка из прыгающих девочек с шариками. Звучит ритмичная музыка, родители, бабушки и дедушки сидят на трибуне и болеют. Это самые лучшие болельщики в мире! А в нашем городке — это целое событие. Я мельком посмотрела на трибуну, но не увидела папу. Но ничего, он в дороге, мчится на мой первый матч... Наверное, запаздывает...

«Кубок колледжа, младшая группа!» — объявил ведущий, и игра началась.

Игра в разгаре. Её комментирует приглашённый специально для нашего матча комментатор. В соседней команде есть девушка. Её прозвали «Громила» — Голиаф в юбке. Она почти непобедима. Счёт на табло: 48:49. Осталось 10 секунд. Мы проигрываем всего одно очко. Я веду мяч. Прыжок. Бросок... «Громила» делает грубый фол — подножку. Я падаю. Мяч выбит. Свисток. Игра окончена. Счёт: 48:50. Мы проиграли.

После игры в раздевалке на меня двинулась «туча». Во главе этой «тучи» была Катарина.

— Подкидыш, слушай меня внимательно. Сейчас ты за-

бираешь свои манатки и дуешь в другой колледж. Я не потерплю, чтобы какой-то подкидыш с неясной родословной портил моей команде репутацию!

Я подняла глаза. Посмотрела ей прямо в лицо:

— Мы победим.

— Победим, но без тебя!

В этот день я довезла комок в горле до дома. Я выучила наизусть, что «янки не плачут». Машина папы стояла как лошадь в гараже, но не в мыле. Даже пылинки не было на машине. Он не торопился. Может быть, потому что чувствовал вину. Или потому что сам расстроен.

Я прошла в свою комнату и выпустила свой слёзный комок на свободу... Я слышала папины шаги. Он хотел войти в комнату, но не решился... Я прижалась ухом к двери. Всё же он чуть приоткрыл дверь:

— Дочка! Я тут... в общем... я хотел... но...

Я вытерла слёзы. Глубокий вдох.

— Да... всё хорошо! Отлично! Янки не плачут! И не проигрывают!

Папа молчал. Потом тихо закрыл дверь. Я слышала, как он спустился, чтобы поговорить с мамой по телефону:

— Джон, мне думается — это просто усталость... Пусть приедет в Москву. Она мало что помнит с последнего приезда.

— Хорошо, пусть на этот раз будет по-твоему.

— Спасибо, Джон.

Я плакала. Не потому что проиграла. А потому что папы не было. Он обещал. Он дал слово. Но его не было. И теперь он стоит за дверью и не может войти. Потому что признать, что подвёл — для него хуже проигрыша.

Папа договорился о переэкзаменовке на осень, и через неделю я полетела к маме в Москву.

Я уже говорила, что после развода родителей я продолжала жить с папой в Америке, а мама вернулась в Москву. Она переводчик и часто отлучается из дома. Её командировки отменить пока невозможно. Она очень хороший переводчик, и в ней нуждаются многие. А папа нуждается во мне. Мы с папой живём в частном доме. Папа считает, что частный дом воспитывает в человеке ответственность, раннее пробуждение и чувство собственного достоинства. Папа шутит, что мама «живёт на этажах» и не хочет спускаться на землю.

Мама встретила меня в аэропорту. Я увидела её издалека — она стояла у выхода, держала в руках маленький букет.

— Мама!

— Женя! Девочка моя ненаглядная! Ну что... ну, ну. Янки не плачут, да?

— Мама!

Я обняла её. Пахло духами, которые я помнила с детства.

Мы поехали сразу в мамину московскую квартиру. Это большой старый дом, правда, я никогда не спрашивала, сколько этому дому лет. За окном мелькали улицы, которых я не помнила. Москва казалась одновременно знакомой и чужой. Уже вечер... Мама заварила мне чай, как чайный мастер. Она много путешествует и знает много интересного и разные секреты...

Я увидела фотоальбом и взяла его в руки. Мама присела рядом...

— Мам, а кто был мой дедушка?

— Дедушка? Он... был потомственный дворянин. Статский советник.

— А кто это?

— Ох, вспомнить бы весь школьный курс по истории...

— А бабушка?

— Бабушка была женщиной... и женой... от кончиков во-

лос до кончиков ногтей...

— Как это «...от кончиков волос до кончиков ногтей...» перевести на английский?

— Леди... Впрочем... Estia Woman... Истинная женщина. Женственность. Но лучше запомнить просто — Леди.

— Мам, а я?

— Что, милая?

— Моя родословная?

Мама помолчала. Потом тихо сказала:

— Ммм... Джейн, мы с папой назвали тебя в честь прапрапрабабушки, моей бабушки по маминой линии. Её звали Евгения Ильинична. Она была из благородных, но не помнит своих родителей. Сирота. Помнит только дядю, который сохранил для нас вот это.

Мама достала из альбома старую фотографию. Я посмотрела — и замерла. На меня смотрела девушка с глазами, которые я видела в зеркале каждое утро.

— Ух ты... Красотка...

— Да. Твоему папе это фото тоже нравится...

Мама закрыла альбом.

— Женя, скоро тебе шестнадцать. Я хочу подарить тебе

небольшое путешествие, но для этого мне нужно отлучиться в командировку. Я оставляю тебя в Москве со списком достопримечательностей. Уезжаю завтра рано. Ты ещё будешь отдыхать. Вся Москва в твоём распоряжении, а я — в командировку и назад.

Когда я проснулась, солнце уже стояло высоко. Комната была тихой. Мама, наверное, уже уехала. Около кровати стояла нарядная коробка. Я открыла — внутри профессиональный фотоаппарат. И подпись: «Дорогая моя девочка! Надеюсь, этот фото-друг поможет тебе собрать самые интересные впечатления от твоих прогулок по Москве XXI века».

Я взяла на прогулку своего нового фото-друга и отправилась с маминым списком достопримечательностей. Поехала сразу на Патриаршие, потому что это — мамино любимое место. Потом с Маяковки свернула на Тверскую. Сделала селфи на мобильник около памятника русскому поэту для мамы и папы и перешла по подземному переходу на противоположную сторону Тверской улицы. Если пойду налево, то попаду на Красную площадь, а там тоже многолюдно. Если пойду направо, то снова окажусь возле Маяковки. Пойду прямо! И нырнула вглубь московских улочек.

Старые дома пахли пылью и временем. Где-то звенел трамвай. «...Ах, как хочется хотя бы на миг перенестись

эдак в век XIX и невидимкой побродить по невиданным московским улочкам... Вот это был бы фантастический фотокросс...»

Я прошла вглубь дворов. Искала небольшую кофейню, но по дороге увидела старинный особняк. Я ничего не понимаю в архитектуре, но обожаю красивые старинные дома. Мне кажутся они живыми и говорящими... Что-то тянуло меня к нему. Я не могла отвести взгляд. Зайду внутрь. Если это музей — там должно быть кафе.

Я не встретила препятствий при входе в особняк и начала ходить из зала в зал... Красиво... А вот и зеркало... Зеркало Эпохи... Старинное... Знаете, я тогда встала перед зеркалом и стала себя рассматривать... Интересно, я красивая или нет? Скоро мне шестнадцать... А парня у меня нет... не то чтобы я гордячка какая-то... Просто наши парни из колледжа какие-то грубые что ли... И всё время смеются, а мне не смешно...

Я смотрела в зеркало — и зеркало смотрело на меня. Казалось, оно знает что-то, чего не знаю я. Эти мысли показались мне грустными, и я решила выходить. Вот дверь. Тоже старинная, с какими-то геральдическими символами... Я могла пройти мимо. Но что-то толкнуло меня. Я открыла и вошла внутрь. Дверь захлопнулась за моей спиной и назад

почему-то не открывается. Что ж, пойду искать другой выход!

Тут мимо меня прошёл мужичок. Он держал поднос, и на подносе — чай в подстаканнике и сигары. Интересное сочетание: чай и сигары... Я последовала за мужичком и в проёме двери кабинета увидела хорошо одетого не старого и не молодого мужчину. Судя по его позе и роскошной обстановке кабинета — это важная персона. А мужичок, скорее всего, слуга... «Slave».

— Чайку-с, изволите?

— Да-с, пожалуй!

Ясно. Кажется, я попала на театрализованную экскурсию. Сейчас у меня спросят билеты... Пора искать выход... Когда слуга обернулся, я подошла совсем близко и спросила:

— Простите, а где здесь выход?

Слуга встал как вкопанный, будто пытаюсь расслышать, откуда идёт звук. Он смотрел прямо сквозь меня. Я подумала, что лучше спросить по-английски:

— I am sorry. I need a way out!

Тут мужичок сделал жест, который я видела только в фильмах о католиках. Он перекрестился — правда, справа налево — и впопыхах пробормотал: «Господи, прости... Господи, помилуй!» Ладно. Это он от неожиданности...

Я достала телефон. Сделаю селфи на память и на выход! Я включила фотокамеру мобильного и встала сделать фото-селфи для мамы и папы. Что за... где я? Я себя не вижу!!! На экране телефона — только комната. Пустая комната. Я посмотрела в зеркало — и там тоже никого не было. Сердце колотилось. Я стояла перед Зеркалом Эпохи и не видела себя.

Я присела в реверансе и спросила:

— Подскажите, пожалуйста, как мне выйти отсюда?

Ещё секунду — и Зеркало стало как живая плазма. Я не увидела себя в отражении, но услышала голос от Зеркала:

— Евгения! Вы бы хотели узнать семейный секрет?

— Секрет? Пожалуй! А что?

— А код личной силы?

— Полагаю, скорее да, чем нет.

— Тогда оставайтесь здесь, в веке XIX.

— Это шутка? Эй! Кто-нибудь!

— Я Вам очень признательна. Вы подарили мне имя — Зеркало Эпохи. И мой ответный подарок Вам в честь Вашего шестнадцатилетия — это путешествие в век XIX.

Я засмеялась. А вы бы как отреагировали на моём месте?

— На машине времени я ещё не каталась. И как мне назад?

— Вы приехали в Россию за семейным секретом. Вот и найдите его. А выйти отсюда Вы сможете тогда, когда сами не захотите отсюда выходить.

— A good job! A good start! Отличная работа! Хороший старт!

— А... это... меня не видно... э... я что? Невидима? В общем, я не против...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «ХОЗЯИН — БАРИН»

Тут мимо меня пронёсся со скоростью мальчуган за девочкой, не обращая на меня никакого внимания. Жена барина с няней, детьми и молодым человеком с вещами выходят и садятся в карету. Кажется, они куда-то уезжают — и это точно не похоже на театрализованную экскурсию. Я начала знакомиться с оставшимися обитателями дома.

Прислуга Глафира повернулась к слуге Фёдору:

— Вот супружница баринова на лето с детьми в деревню. И мы опять с баринком на всё лето одни в доме.

— А вот и нет!

— Что скажешь?

— Скажу не скажу, а вот и Пелагея Константиновна, пожалуйте!

Я обернулась и увидела девушку. И какую-то хорошо одетую даму. Девушка была бледная, хрупкая, держалась робко. Она смотрела в пол и не поднимала глаз.

— Свет мой, Ваше благородие, Александр Наумыч!

— Милости просим... Фёдор, чаю нам! На двоих.

— Не видела Вас, любезный друг, ни на вечерней, ни на полунощной, ни на воскресной. Вот и думала навестить.

— Да-с, дела-с, знаете ли...

— Понимаю, Александр Наумыч. Вот хочу представить Вам выпускницу благородного училища, детям Вашим гувернёрскую помощь, так сказать...

При словах «гувернёрскую» барин как-то покраснел. Яркая жгучая краска залила на минуту его лицо, и он выразительно нахмурил брови.

— А девица-то крупная?

Уловив подтекст вопроса — много ли ест девица — Пелагея Константиновна ответила:

— Что Вы, мой драгоценнейший Александр Наумыч! Она как тростиночка, да и не привыкшая она. Да и как поставите энтот вопрос: х о з я и н — б а р и н!

Хозяин-барин — это словосочетаньице так польстило тщеславию барина, что он подумал: и то правда — хозяин-барин — и согласился подписать необходимые документы. Кажется, весьма довольная своим благодеянием, Пелагея Константиновна добавила:

— Сирота. Вот Вам и прислужница, и помощница, и гувернёрская. А Бог и Вас за это не оставит.

— Да-с... На Бога надейся, а осла привязывай.

Пелагея Константиновна пригласила Марию войти в кабинет, поклонилась Барину и бесшумно вышла, закрыв за собой дверь. Я же была здесь невидимым свидетелем происходящего. Когда я посмотрела на эту хрупкую нежную бледную то ли от страха, то ли от недостаточного питания девушку, мне показалось, что придётся задержаться здесь из-за этой девчонки.

Барин медленно обошёл Марию вокруг, словно оценивая лошадь на ярмарке. Пенсне он не носил — к его круглому лицу с небольшими глазами оно было не к лицу. Остановился перед ней, наклонился ближе.

— Что ж, как звать — величать Вас, барышня? — голос его стал мягче, но в глазах мелькнуло что-то хищное.

— Мария Остапова, — ответила девушка и покраснела так, что даже уши стали пунцовыми. Она опустила глаза, но попыталась выпрямиться — держалась достойно, насколько позволяли дрожащие колени. Так мне тогда показалось.

— Сейчас Глафира проводит вас в Вашу комнату.

Барин хлопнул в ладоши.

— Глаша! Поди сюда. Возьми ейный чемодан и отведи девицу, э..., Машу в её комнату, покажи, где уборная, и отведи на кухню пообедать.

— Ясно, барин, ясно, будет сделано, — Глафира кивнула, но на мгновение она взглянула на Марию глазами, полными сочувствия.

Надо сказать, что барин был весьма крепкого достатка, но со своими странностями: двух гончих — породистых — держал для показа редким гостям, но зато испытывал какую-то странную слабость к дворовым псам. Откуда проявилась эта

черта — неизвестно. Барин занялся ещё и торговым промыслом, чему споспешествовала его рассудительность, немногословность, неторопливость и степенность. А его женатое положение внушало кредиторам весьма лестное мнение о нём, и многие предложили барину взять их денежные знаки «в оборот». Торговые дела пошли весьма успешно. Деньги потекли рекой.

И барин начал коллекционировать разные вещицы — по сути безделицы. Часто прохаживался по торговым рядам, выбирая вещицы антикварного свойства, начинал рассматривать их в лупу, которую всегда носил при себе. Ему казалось, что рассматривание через лупу — это некий шарм и признак того, что он является неким экспертом и ценителем ценности вещей. При этом барин преисполнялся какой-то тайной радостью о своей особой исключительности, что знает толк не только в вещах, а может и в людях тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.